

Тревога по этому поводу прозвучала уже в ряде выступлений на нашем съезде, и это понятно, потому что духовные потери чреваты, быть может, еще большими последствиями, чем разрушение природы, хищническое истребление лесов и обмеление рек. Да, да, все в конечном счете зависит от того, какой человек будет работать и управлять землей. Не работяга с куриным оглядом, не перекати-поле, которые сегодня косяками кочуют по нашим градам и весям, не бюрократ-чиновник, слепо исполняющий приказы и директивы, — не им вершить нынешние дела. Не им претворять в жизнь великие задачи эпохи.

Время властно требует другого человека, человека-хозяина, человека с развитым самосознанием, обостренной гражданской совестью, с широким историческим кругозором, способного не только мыслить по-государственному, по-хозяйски, но и отвечать за все происходящее в стране, то есть поступать по-хозяйски, поступать по-государственному, соответственно своим убеждениям, велениям совести.

Словом, нельзя заново возделать русское поле, не возделывая души человеческие, не мобилизую всех духовных ресурсов народа, нации.

И тут — хочется еще раз подчеркнуть — огромная роль принадлежит литературе, правдивому и вдохновляющему слову. Слову, которое зовет к утверждению истины, добра и справедливости на земле!

1976

ЧЕМ ЖИВЕМ-КОРМИМСЯ

Открытое письмо землякам

Уважаемые земляки!

Шестнадцать лет назад вы обратились ко мне с открытым письмом по поводу повести «Вокруг да около», получившей довольно широкую известность.

Немало в том письме было запальчивости и несправедливых упреков, но не об этом сейчас речь. Меня всегда волновали сложные проблемы развития русской деревни, ее материальные и духовные нужды, и именно об этом я писал в «Вокруг да около» и некоторых других произведениях.

Ныне мои писания тех лет кажутся робкими и даже наивными. О чем мечтали тогда мои герои? О том, чтобы получить 30 процентов от заготовленного ими сена. 30 процентов! Да неужели были времена, когда эти 30 процентов казались чуть ли не пределом мечтаний?

Были. Все было. Был «пустопорожний» трудодень, был труд на износ, были непомерные налоги, займы. Да чего-чего только не перенесла наша деревня за военные и послевоенные годы! И как не радоваться, что сегодня все это позади. Как не радоваться тому достатку, который пришел на Пинегу, в нашу деревню.

Двести девять рублей — средняя заработка плата в месяц сегодня в Верколе. А доярки, пастухи, механизаторы, те и за 300 частенько переваливают. Свыше ста новых домов построено за последние десять лет в нашей деревне, за то время, что на Пинеге совхозы. Да каких домов! Просторных, светлых, благоустроенных — с электричеством, с холодильниками, с телевизорами и даже с телефонами, — любой горожанин позавидует.

Изменились и условия труда. Тракторы, комбайны, грузовики и прочее железо, как некоторые остряки коротко называют разную технику, давно ужеочно вошли в быт деревни.

Но за счет чего все эти отрадные перемены? За счет надоев, привесов, урожаев?

Увы, нет. Увы, за счет государства. За счет все возрастающих государственных вложений и дотаций, которые по совхозу достигают почти двух миллионов рублей.

Конечно, государство, город в немалом долгу перед деревней, и нынешняя материальная помощь ей вполне оправданна. Но помочь помощью, а как использованы эти огромные средства, эти народные миллионы в Верколе?

На 30 с лишним гектаров сократились и без того малые размеры пахотной земли, уменьшилось поголовье крупного скота. Надои молока увеличились с 1641 килограмма от одной коровы в 1963 году до 2254 килограммов в 1978 году. Но, если говорить серьезно, разве это то большое молоко, о котором вот уже сколько лет идут разговоры? В маленькой Финляндии, где мне довелось быть три раза, буренку, дающую молока меньше 5000 литров, вообще не держат.

Так в чем же дело, дорогие земляки? Почему чахнет общественное хозяйство в Верколе? С кого спрос в первую очередь?

Конечно, с руководства — с дирекции совхоза, с райкома партии — это азбучная истина. За десять лет в Верколе сменилось семь управляющих, три года нет бригадира по полеводству, из года в год не хватает телятниц и доярок... И таких упущений и просчетов, мягко говоря, немало. Все это так. Ну, а вы сами, дорогие земляки? Чувствуете ли вы свою ответственность за запущенное хозяйство? Всегда ли выполняете свои обязанности? Всегда ли оправдываете трудом высокую зарплату, льготы северянам? Не превращаетесь ли —вольно или невольно — в нахлебников у государства?

Редкий год в Верколе хватает на зиму кормов для скота. В прошлом году, например, по 2 килограмма сена на день давали корове, а весной даже солому с Кубани завезли (это в край-то бескрайних трав!). И где уж тут надобно наращивать. Сохранить бы вживе скотину.

На нехватку сенокосных угодий жаловаться не приходится — Веркола утонула в траве. Людей мало? 117 числится в Веркольском отделении — куда же больше? А на сенокос сколько вышло? 41 человек, чуть больше одной трети. Да и эти 41 работают ли с полной отдачей? Давно сказано: страдный день год кормит. А у нас на Севере и подавно: погожие дни на вес золота. Так разве можно впустую растрачивать это золотое время — на утренние разводы с сидениями и раскурками, на всякие разъезды?

Что же, верколыцы разучились работать, позабыли вековые страдные навыки? Не позабыли. На собственных участках работа кипела с раннего утра допоздна, зароды вырастали как грибы.

А почему телята ежегодно гибнут в Верколе? Я не поверил было, когда мне сказали, что за июль этого года пало восемь телят. И отчего? От истощения. Среди лета, когда трава кругом. И что же? Забили верколыцы тревогу? Меры неотложные приняли? Нет. Успокоили себя острым словцом: телят окрестили смертниками, а грязный, смрадный телятник, в котором круглые сутки взаперти томится молодняк, — концлагерем.

Зеленый загон для телят есть — под боком, с густой, сочной травой. Но не хватает телятниц, — жалуется бригадир по животноводству. Телятницы годами работают без отпуска, без выходных, без сменного графика.

Годами без отпуска, без выходных работают и доярки — самые сознательные труженицы в отделении, по словам того же бригадира.

Где же выход? Заболела доярка — подменить некем. Катастрофа. И уже не об увеличении поголовья иной раз подумывают в Верколе, а о том, нельзя ли часть скота передать в другие отделения.

Передать-то, наверное, можно, но не придется ли тогда и покосы передать, а затем и Веркольское отделение прикрывать?

Странно получается: кормимся от скота (молочно-мясное направление у совхоза), а от ухода за скотом отбрыкиваемся руками и ногами. Пора, давно пора мужчинам идти в животноводство, браться за корову, повсеместно вводить механизацию.

Но снова все тот же вопрос — только ли дело в машинах, в количестве людей? А сами люди — их отношение к работе, к земле, хозяйству, даже к самим себе? Не вытесняет ли порой труда и рачительного хозяина равнодушный работяга, поденщик, калымщик?

Примеров тому немало. Еще недавно, в колхозные времена, веркольская земля кормила чуть ли не всю деревню, а ныне не может обеспечить фуражом даже своих коров. Лучший пахотный клин — задворки — давно уже не распахивается, отдан под личные покосы. Многие пашни заброшены, заросли кустарником. Дальние уголья по лесным речкам, так называемые суземы, вообще не осваиваются. А ведь в былые времена оттуда вывозили до двух тысяч возов сена! Нельзя без боли смотреть, как по заливным лугам — знаменитым пинежским наволокам — вдоль и поперек разъезжают тракторы, начисто уничтожая травяную подушку луга. Ничего не стоит иному механизатору прокатить и по хлебному полю. И вообще, что хочу, то и делаю: контроля, повседневного учета в полеводстве нет. Зарплату обычно начисляют со слов работающего, у которого подчас самые смутные представления о трудовой чести.

Невольно вспоминается мне швейная фабрика в Финляндии. Там брак — явление редчайшее. Из десяти тысяч сшитых костюмов лишь двадцать пять оказались с изъяном. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что при этом на фабрике отсутствует всякое ОТК. «У нас, — заметил с гордостью директор, — ОТК у каждого рабочего в крови». И величайшим бесчестием, величайшим позором в Финляндии считается плохо

выполненная работа — будь то работа мусорщика, плотника, инженера или хлебороба.

У нас, к сожалению, трудовой честью, человеческим достоинством не очень дорожат.

Когда это было, чтобы в страду работоспособные мужики были в отпуске? Секретари райкома годами не бывают в летнее время на отдыхе, а в Верколе до чего додумались? В июле, в самый разгар страды, дали отпуск шести самолучшим мужикам. Ну недосмотр, ну молодой управляющий... А сами-то мужики? У них-то совесть есть?

Исчезла былая гордость за хорошо распаханное поле, за красиво поставленный зарод, за чисто скосенный луг, за ухоженную, играющую всеми статями животину. Все больше выветривается любовь к земле, к делу, теряется уважение к себе. И не в этом ли одна из причин прогулов, опозданий и пьянства, которое сегодня воистину стало национальным бедствием? Казалось бы, с пьяницей, с лодырем разговор должен быть коротким: увольнение. Ведь не потворством же укреплять трудовую дисциплину! А в Верколе за десять лет, за всю историю совхоза не уволили ни одного человека. Не пользуется ли этим неработать, разного рода любители легкого житья?

В деревне нет недостатка в работающих, талантливых и совестливых тружениках. И у них болит сердце, когда видят сгноенное сено, погибающих телят, пьяных подростков. «Разбаловались... разболтались», — самокритично говорят они меж собой. Но почему не слышно их требовательного голоса? Почему никто из них не хочет идти в бригадиры, в управляющие? Почему они даже детей своих взрослых отговаривают от участия в управлении хозяйством?

Равнодушие, пассивность, нежелание портить отношения с односельчанами... И вечная надежда на строгого и справедливого начальника, который откуда-то приедет и наведет наконец порядок. Почти как у Некрасова: «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Но так ожидала бабушка Ненила, неграмотная старуха некрасовских времен. А теперь-то, когда почти у всех чуть ли не среднее образование, теперь-то зачем ждать помощи со стороны? Лучше вас никто не знает веркольской земли, хозяйства, людей, местных нравов, — вам и браться за дела, вам и наводить порядок в собственном доме.

И тут, разумеется, свое решающее слово должны сказать бы коммунисты и комсомольцы. Немало их в Верколе: 41 член партии и 49 членов ВЛКСМ. Правда, лишь четверть коммунистов и половина комсомольцев работают непосредственно в отделении. Но не все они оправдывают свою авангардную роль, — к сожалению, и в их среду проникла распространенная ныне болезнь равнодушия.

На одном из самых красивых мест русской земли стоит Веркола. Да и не только русской. За свою жизнь я объездил немало разных стран, много красоты повидал в Японии, во Франции, в Америке и Англии, в Финляндии и Швеции, в Италии и Португалии. Но пинежские просторы, пинежские белые ночи и цветущие луга, наши бескрайние леса и деревянные строения не уступят заморской красе. Но ценят ли, берегут ли красоту веркольцы?

Пинежский берег под деревней — разноцветная галька да разливы желтых песков — залюбуешься! А чтобы ступить босой ногой — и не думай: битые бутылки, банки консервные. Да и в реку без опаски не зайдешь: и там полно этого добра.

Не лучше и в окрестных лесах. Что только делают лесники? Хлам, неубранная хвоя, гниющий вершинник — это в делянках, где рубили дрова. А там, где заготовляли лес, и того страшнее: черная пустыня, пройти невозможно.

А в самой деревне? Три-четыре вековечные лужи на главной веркольской улице. В непогодь, в дождь не пройти без болотных сапог. И вот на обочину бросают кирпич, доски, палки и только никак не найдут способа разделаться с ними навсегда.

А до каких пор вокруг маслозавода будет грязь и душина? Иной раз идешь мимо — нос приходится затыкать. Покойный Василий Васильевич Нечаевский, знаменитый директор Вельского совхоза, борясь за чистоту на фермах, возле коровников сажал цветы. А тут ведь не коровник — маслозавод.

Бедствием деревни стали собаки. Заведут щенка, поиграют, потешатся, а потом выбросят на улицу. Да и те собаки, которые при хозяевах, не на привязи. И вот от собачьих стай житья нет, были случаи — покусали детей. Неужели только большая беда заставит решить «собачий вопрос»?

Особый разговор о клубе. Сколько приходилось в свое время слышать упреков и нареканий: в Верколе нет очага культуры. Построили клуб. Красотой не блещет, на барак смахивает, но все в нем есть: зрительный зал, библиотека, читальня. Однако и здесь не хватает заботливых рук. Кругом битый кирпич, обломки шифера, кучи песка, разбросанные дрова, печи и крыши не ремонтированы. А крыльца? Все лето веркольцы развлекаются: размышают вслух, как и куда ступить (доски прогнили и провалились), подсказывают друг другу, детям. А чтобы взять топор и гвозди да сменить доски — нет, ждут указаний свыше. И даже пощучивают: «У сельсовета бюджет на то есть».

Двадцать пять депутатов сельского Совета в Верколе! И опять пощучивают веркольцы: раньше в деревне один староста был, а порядка было больше. Так в чем же дело? Те ли это депутаты? Тем ли людям вы доверили устраивать свою жизнь? Ведь вы их избрали, ведь ваше право спросить с них.

Во все времена нес свет культуры в народ сельский учитель. Так и повелось: каков учитель — таковы и дети, таков и облик села. За примером недалеко ходить. Сурский учитель, ныне пенсионер, Иван Андреевич Данилов — сколько он сделал для своего села! Его страшениями, руками его учеников песчаная Сура превращена в зеленый сад.

В Верколе тоже взялись за посадки — от школы до клуба натыканы березки. Но зачем? Комаров разводить? План по озеленению выполняли? Ведь эта расшифрованная пестрыми мхами и окаймленная соснами поляна, как и лужок возле почты, тоже, кстати сказать, изуродованный посадками, сами по себе прекрасны и не случайно издревле были местом народных гуляний. Да нужно ли много говорить о роли учителей в Верколе, когда на школе нет даже вывески с названием!

И все-таки нельзя сказать, что у веркольцев иссяк источник вековой народной поэзии и красоты. Концерт местной молодежной самодеятельности этим летом был не хуже выступления иных столичных коллективов. С подлинным блеском, радуя искусством народного слова, песни и танца, прошла «Веркольская вечерянка». Но что печально? Ни одного парня, ни одного мужчины, ни одного подростка не было на сцене, так что женщинам пришлось играть и мужские роли.

Народные традиции... Везде — в Армении, Грузии, Литве — хранят и вновь оживляют и возрождают их. А почему же мы так беспечны?

Это хорошо, что старинные дома, амбары, церкви, крестьянскую утварь свозят в Малые Карелы. Но и на местах, в каждой деревне должна бы заново ожить северная краса — в песнях, в танцах, в ремеслах, в охраняемых памятниках. Почему вместо прекрасных, жизнерадостных, игровых, разнообразных по рисунку русских народных танцев — восьмеры, кадрили, к примеру, — молодежь увлеклась примитивными джазовыми ритмами, западной трясучкой, напоминающей дерганье припадочных?

Спрашивается: к какой жизни, к каким делам готовят своих детей иные веркольские родители? Сами с ранних лет с косой, с топором, и сейчас ломят с утра до ночи, а великовозрастные сынки и дочки, нынешние акселераты, нередко давят подушку до одиннадцати часов дня — отдыхают. Под крылом такой неразумной родительской любви да жалости и вырастают бездельники и эгоисты, которые не умеют беречь и ценить хлеб и все содеянное трудом. Права свои хорошо усвоили, требуют много, а вот обязанностей знать не хотят.

Двести семь пенсионеров в Верколе. Огромная сила! А какое влияние оказывают они на жизнь деревни? Сколько их, к примеру, вышло на сенокос в погожие дни? По пальцам пересчитаешь. Зато иные пенсионеры, еще полные сил, не достигшие и шестидесяти лет, с каким усердием занимаются своим хозяйством!

Не потеснило ли кое у кого в Верколе свое, личное — наше, общее? Не обмелела ли река народной совести, народной нравственности?

Да, о многом, об очень многом заставляют думать веркольские дела. Однако, если сказать коротко, все в конце концов упирается в равнодушие и пассивность. Нет активного, заинтересованного, требовательного отношения в Верколе к совхозным делам, к благоустройству села (чего стоит одна хаотическая застройка деревни!), к культуре, к молодежи. А ведь здесь жить и работать будущим поколениям.

И почему бы уже сегодня не представить Верколу будущего? Сады, цветники, свое парниковое хозяйство, свой дом быта с разного рода услугами, которые наконец-то освободят сельскую женщину от трудоемких домашних работ, дом подлинной культуры, где за-

дружат старина и современность, где каждый будет не только зрителем, но и участником, творческим человеком. И конечно же, ухоженная земля, коровы-пятитысячницы и воспетый в песнях и сказках резвый конь, без которого на Севере не обойтись.

Быть или не быть такой Верколе — зависит от вас, дорогие земляки.

1979, август
с. Веркола

РАБОТА — САМОЕ БОЛЬШОЕ СЧАСТЬЕ

Слово в день шестидесятилетия

Уважаемые товарищи, дорогие друзья, земляки, гости, ленинградцы, читатели! Я должен сказать, что я просто растрепан для какого-то осмысленного выступления, растрепан в своих чувствах, потому что та лавина приветствий, та лавина любви и сердечности, телеграмм, писем, прекрасных слов, которые были сказаны здесь, для меня, ей-богу, была неожиданна.

Я благодарю всех, кто принял участие в сегодняшнем вечере. Я глубоко счастлив, что в день своего шестидесятилетия удостоился высокой правительенной награды.

Я хорошо понимаю особенности юбилейного жанра, юбилейного красноречия. Они немыслимы без гиперболы, без преувеличения. И все-таки все, что здесь было сказано, взволновало, очень тронуло, и это дает мне новые силы для жизни, для работы.

Не знаю, как вы, а когда я иду на юбилей, я всегда жду от юбиляра, особенно в определенных летах, в определенном возрасте, неких откровений. Вот ты прожил шестьдесят-семьдесят-восемьдесят-девяносто лет! Каковы итоги? Что ты вынес из жизни? И надо сказать, что я всегда уходил разочарованным, потому что большинство отдавало дань судьбе за то, что им вот выпало прожить большую и долгую жизнь. Это мне казалось банальностью. Но я тоже начну с этой банальности.

Мне очень повезло, громадно повезло, что я дожил до шестидесяти лет. В какой век? В какое время? Где те ребята, с которыми я вступал в жизнь, с которыми играл на деревенской улице? Где двадцатый год — год моего рождения? Он почти весь без исключения

лежит на полях войны. А где мои сверстники, студенты, с которыми я уходил в сорок первом году, в конце июня месяца на войну добровольцем? Их был целый батальон, а вернулось? Вернулось двадцать-тридцать человек. И где их могилы? Неизвестно. Многие запаханы тракторами, на многих всколосился кустарник, вырос лес. На многих безымянных, но поистине героических могилах, которым мы обязаны тем, что сидим здесь и живем, на этих могилах воздвигнуты сегодня под Ленинградом дома, в которых живут люди.

Я повторяю, мне выпало действительно огромное счастье, потому что я входил в жизнь вместе со студентами — поистине талантливыми, одаренными, богатыми натурами, намного меня богаче. Все они полегли.

Это, конечно, великое счастье, это и огромная ответственность. И это тот бог, та совесть, которой (да не считите это за громкие слова) я выверяю всегда свою жизнь.

Второе мое счастье. Я родился в деревне, в крестьянской, в самой что ни на есть патриархальной семье. Сегодня все, кому не лень, по поводу и без повода, пинают патриархальную старую деревню. Как это можно? Да это же наша мать родная. Все мы с вами, здесь сидящие, и не только мы, все народы мира вышли из деревни. А Россия, как здесь очень хорошо говорил мой друг Солоухин, деревне обязана больше чем кто-либо. Русская деревня — это та нива, на которой всколосилась вся наша национальная культура, наша этика, нравственность, наша философия, если хотите, наш чудо-язык.

Лев Толстой за образец для себя в течение всей жизни ставил патриархального крестьянина. Заблуждение? Возможно. Но ведь патриархальный крестьянин — это тот человек, который жил по законам совести, по самым высшим неписанным законам, к которым на протяжении всей своей истории стремится человечество. Это человек — я имею в виду тип старого крестьянина, — который руководствовался одной-единственной заповедью: жить без работы, не работать — это великий, самый великий грех.

Моей Архангелогородчине, откуда я, — краю лесов и белых ночей — Русь обязана особенно. С Севера пролился на Россию свет учености. В мужицкой котомке Михайло Ломоносов принес свет учености на Москву.